

ОТЗЫВ

**официального оппонента
на диссертацию Мерлакова Данила Сергеевича
«Уголовно-процессуальная компетенция
субъектов, ведущих досудебное производство»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальности
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)**

Диссертация Д.С. Мерлакова посвящена исследованию комплекса достаточно хорошо известных ученым, но в тоже время никоим образом не утративших актуальности проблем уголовно-процессуальной науки, законодательства и правоприменительной практики, связанных с объемом и пределами властных, в первую очередь юрисдикционных полномочий государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность (так называемых субъектов уголовной юрисдикции) и вступающих в правоотношения отношения как между собой, так и с невластными участниками уголовного судопроизводства. Причем особую остроту эти проблемы приобретают именно в части досудебного производства как свойственной для романо-германского типа уголовного процесса, обремененной прокурорским надзором и судебным контролем деятельности органов предварительного расследования, направленной на обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения, в дальнейшем становящейся предметом судебного разбирательства в первой инстанции. Ведь существующая в настоящее время необходимость определения общего вектора развития российской системы досудебного производства, балансирующего между передовыми достижениями мировой цивилизации и сложившимися за долгие годы национальными традициями в сфере уголовной юстиции, приводит к потребности поиска каких-то новых концептуальных подходов к механизмам возбуждения и предварительного расследования уголовных дел, в том числе к компетенции участвующих в их осуществлении государственных органов и должностных лиц. Эти вопросы – предмет постоянных полемических обсуждений и научных

дискуссий. Высказываются самые различные мнения: от возрождения дореволюционного института судебных следователей, обладающих «классической» юрисдикционной компетенцией, до полной ликвидации предварительного следствия и его замены полицейским дознанием на подобии немецкой или даже американской модели организации досудебного расследования. Подобные разногласия оказывают весьма деструктивное влияние на правотворческую политику, вызывают нестабильность и заметные колебания механизмов досудебного производства, бесчисленные и достаточно бессистемные поправки в уголовно-процессуальное законодательство, что в конечном счете, обуславливает большие трудности в повседневной правоприменительной практике, в частности негативно сказывается на правовой защищённости вовлекаемых в уголовное судопроизводство лиц. Поэтому дальнейшие научные, в том числе диссертационные, исследования вопросов уголовно-процессуальной компетенции субъектов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, на сегодняшний день представляется весьма целесообразными и своевременными. И, таким образом, актуальность избранной Д.С. Мерлаковым темы своей диссертации вполне очевидна.

Проблемам уголовно-процессуальной компетенции органов предварительного расследования в целом, условиям и формам ее ограничения посредством механизмов прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля посвящены публикации О.Я. Баева, В.М. Быкова, Б.Я. Гаврилова, А.П. Гуляева, Ю.В. Деришева, Н.С. Мановой, О.В. Мичуриной, К.В. Муравьева, В.В. Николюка, М.П. Полякова, В.А. Семенцова, В.Ф. Статкуса, В.Т. Томина, Ю.А. Цветкова, О.А. Чабукиани, С.А. Шейфера, других известных ученых. В последние годы эти вопросы неоднократно затрагивались в целом ряде кандидатских диссертаций. Интерес к данной проблематике всегда проявлял и автор настоящего Отзыва.

Вместе с тем многие из возникающих в данном сегменте правового регулирования вопросов остаются неразрешенными. В первую очередь, это связано с недостаточным исследованием, а иногда и банальным непониманием

(недопониманием) большинством специалистов, в особенности так называемыми молодыми учеными: 1) глубинных исторических причин, некогда побудивших к установлению в Российской империи следственного порядка досудебного производства, предполагающего высокую степень преемственности по отношению к французской («наполеоновской») модели; 2) присущих формированию и развитию советской государственности социально-политических факторов, повлиявших на инкрементальную административизацию предварительного следствия, в частности на его передачу в ведение правоохранительных органов полицейского типа.

Представленная для оппонирования диссертация вносит определенный вклад в заполнение этих пробелов, а по кругу анализируемых вопросов и подходам к их разрешению является законченным монографическим трудом, освещающим содержание и результаты комплексного исследования юридической направленности.

Так, подготовленная Д.С. Мерлаковым рукопись состоит из введения, двух глав, включающих шесть самостоятельных параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений. Подобная структура представляется весьма разумной, последовательной и логически связанной; она соответствует сформулированным во введении общим задачам диссертационного исследования.

Первая глава выступает в качестве своеобразной методологической основы диссертации и посвящена теоретическим подходам к пониманию компетенции субъектов досудебного производства в общей системе участников уголовно-процессуальной деятельности. Так, методологически отталкиваясь от публичной природы уголовно-процессуальных отношений, принимая во внимание обязательность участия в каждом из них наделенных комплексом полномочий представителей государственной власти, соискатель формулирует понятие субъектов уголовного процесса в целом и досудебного производства в частности, проводит их классификацию по ряду оснований, выявляет критерии для их отграничения от других, невластных, в первую очередь имеющих

собственные интересы, участников уголовно-процессуальной деятельности. В результате формируется собственное (авторское) понимание уголовно-процессуальной компетенции субъектов, осуществляющих досудебное производство, устанавливаются ее пределы и разновидности, обусловленные различными формами предварительного расследования, а также дифференциацией следственных и дознавательских полномочий.

Вторая глава диссертации посвящена научному осмыслению перспектив оптимизации уголовно-процессуальной компетенции субъектов, осуществляющих досудебное производство. В этой связи уделяется внимание повышению продуктивности следственных и дознавательских полномочий в стадии возбуждения уголовного дела, подробно анализируются важнейшие направления совершенствования уголовно-процессуальной регламентации предварительного расследования (дознания и предварительного следствия), а также исследуются проблемы, возникающие в ходе проведения так называемых «неполнообъемных» дознаний в порядке ст. 157 УПК РФ и формулируются предложения, направленные на их устранение.

Результаты диссертационного исследования опираются на вполне приемлемую эмпирическую базу. Так, автором проанализировано 210 уголовных дел и 130 «отказных» материалов, находивших в производстве органов дознания и предварительного следствия органов внутренних дел в период с 2017 по 2023 гг. При этом авторские суждения в ряде случаев достаточно удачно подкреплены соответствующими примерами. Кроме того, было проведено анкетирование 143 следователей (руководителей следственных органов) и дознавателей (начальников органов и подразделений дознания) органов внутренних дел и 52 прокурорских работников; проанализированы официальные статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» и Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2013–2023 гг.; приняты во внимание результаты эмпирических исследований других ученых.

Наряду с этим, Д.С. Мерлаков изучил целый ряд специальных литературных источников: монографий, научных статей, диссертаций и авторефератов

уголовно-процессуальной направленности. Им были рассмотрены положения федеральных законов, подзаконных актов, а также утратившие силу нормативные документы советского периода, изучены материалы судебной практики, в первую очередь относящиеся к теме диссертации акты Конституционного Суда РФ.

Указанные обстоятельства в своей совокупности свидетельствуют о репрезентативности, аргументированности, убедительности и обоснованности проведенного исследования и сделанных выводов.

В итоге научных изысканий Д.С. Мерлакова было сформулировано 9 положений, выносимых на защиту (далее – Положений), а также сделаны другие, более частные выводы и суждения. Многие из них представляют определённый научно-практический интерес.

Так, наибольшая доктринальная ценность диссертации усматривается в сформулированном на основании § 3 первой главы и находящем отражение в Положении № 4 концептуальном выводе о дуалистическом толковании категории «уголовно-процессуальная компетенция», под которой, по мнению автора, в зависимости от контекста надлежит понимать: а) совокупность знаний, умений, навыков должностного лица, допускаемого к участию в уголовном судопроизводстве; б) совокупность определённых УПК РФ государственно-властных полномочий того или иного субъекта уголовной юрисдикции (стр. 100). Указанный вывод приобретает особое значение ввиду совершенно бесцеремонного использования указанного термина как самим законодателем, так и многими ученым-процессуалистами, в том числе авторами учебников и учебных пособий по уголовно-процессуальному праву, что порождает трудности в надлежащем понимании соответствующих доктринальных и нормативных посылов и, в конце концов, приводит к ошибкам в правоприменительной практике. В этой связи надлежащее, подкрепленное результатами научных изысканий и вполне убедительными аргументами разграничение различных толкований категории «уголовно-процессуальная компетенция» представляется более чем полезным и своевременным.

Следует поддержать соискателя и в стремлении разграничить служебное и процессуальное положение должностных лиц, осуществляющих досудебное

производство по уголовному делу, то есть как бы размежевать замещаемые ими должности органах государственной власти с их правовым статусом в ходе осуществления уголовно-процессуальных правоотношений. Наиболее подробно этот вопрос освещается при рассмотрении дознавателя как должностного лица органа дознания, правомочного либо уполномоченного начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные предусмотренные УПК РФ полномочия (стр. 64). Ведь наблюдаемое в настоящее время фактическое смешение законодателем понятий правомочности и уполномоченности является основной причиной правовой неопределённости, существующей в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования, в частности приводит к известному вопросу о способах и прикладных технологиях наделения дознавателей государственно-властными полномочиями для участия в досудебном производстве по уголовному делу. Так, вполне очевидно, что говоря об изначальной правомочности дознавателя являться субъектом уголовного судопроизводства, законодатель подразумевает не столько его процессуальный статус, сколько замещаемую им должность штатного дознавателя в территориальных, специализированных или иных правоохранительных органах, тогда как второе понятие – уполномоченность – может толковаться и в должностном (например в части лиц, не замещающих должности штатных дознавателей), и в процессуальном смысле, что приводит к существенной путанице и затрудняет выражение начальниками органов и подразделений дознания соответствующих процессуально-распорядительных велений.

Кстати, в этой связи следует полностью согласиться с соискателем, фактически, хотя и в несколько завуалированной форме, настаивающим на возможности введения должностных лиц правоохранительных органов в процессуальный статус дознавателя исключительно посредством уполномочивания, то есть не иначе как на основании специальных поручений начальников.

Представляются совершенно справедливыми и находящие отражение в Положении № 2 выводы соискателя о потребности интеграции осуществляющих уголовный процесс субъектов в единую группу участников уголовного

судопроизводства (стр. 49), а также о необходимости нормативной легализации еще одной процессуальной функции – предварительного расследования (стр. 53). Хотя высказанное при этом предложение о предпочтительности конституционно-правового регулирования подобного положения видится явно излишним.

Заслуживают поддержки периодически встречаемые в тексте диссертации идеи о снижении уровня формализации досудебного производства. В частности, соискатель верно обращает внимание на необходимость минимизации формальных аспектов принятия решений о возбуждении / об отказе в возбуждении уголовного дела, справедливо предлагая сосредотачиваться на существенных вопросах, связанных с вынесением соответствующих правоприменительных актов (стр. 133)

В диссертации можно встретить и другие достаточно интересные выводы и суждения автора, в том числе рациональные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, а также рекомендации, направленные на оптимизацию правоприменительной практики.

Все вышесказанное свидетельствуют о научной новизне, теоретической и практической значимости результатов проведенного исследования.

Содержание представленной на оппонирование диссертации, затрагиваемые проблемы и сформулированные выводы, в том числе выносимые на защиту Положения, относятся к сфере уголовно-процессуальных отношений и предмету уголовно-процессуального регулирования. И таким образом, диссертация Д.С. Мерлакова полностью соответствует Паспорту научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Диссертация прошла достаточную апробацию. Ее наиболее важные результаты обсуждались на заседаниях кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, докладывались на нескольких научно-представительских мероприятиях. Основные изложенные в диссертации положения и выводы получили отражение в девятнадцати научных статьях, в том числе в пяти статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России.

Диссертация отличается удачным структурированием материала и логичностью его изложения; написана достаточно понятным научным языком в пределах установленного объема; оформлена в соответствии с предъявляемыми требованиями. Автореферат диссертации отражает основные положения диссертации и соответствуют ей.

Таким образом, изучение диссертации позволяет выразить общее положительное мнение и признать, что она является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовно-процессуальной науки, уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, в частности практической деятельности органов внутренних дел.

Вместе с тем, как и любой другой монографический труд, освещающий содержание и результаты научного исследования, диссертация Д.С. Мерлакова побуждает к определённой дискуссии, вызывает некоторые вопросы и замечания.

1. Так, наиболее существенным методологическим упущением, буквально проходящим «красной нитью» через всю диссертацию, является позиция, предполагающая отношение к дознанию и предварительному следствию как к фактически равнозначным формам досудебного производства, различающимся лишь некоторыми «штрихами», частными процедурными особенностями, а в перспективе подлежащим слиянию в единый, унифицированный порядок предварительного расследования, с единой унифицированной компетенцией осуществляющих его субъектов. В частности, на стр. 151 прямо говорится о необходимости унификации формы предварительного расследования, предполагающей участие как органов дознания, так и органов предварительного следствия.

Согласиться с подобным суждением более чем сложно. К тому же представляется, что причины такой позиции соискателя, равно как и многих других ученых-процессуалистов, в частности авторов соответствующих положений УПК РФ, кроются в банальном непонимании (недопонимании) либо, что еще

хуже, нежелании понимать подлинный смысл дифференции предварительного расследования – разграничения предварительного следствия, ординарного и сокращённого дознаний. Ведь основной критерий подобной дифференции состоит не в различных процессуальных полномочиях дознавателей и следователей, тем более не в сроках, степени прокурорского надзора и других формальностях – все это лишь следствия. Тогда как подлинные причины существования различных форм предварительного расследования кроются в особенностях развития национальной системы досудебного производства, восходящей к классической («наполеоновской») модели французского типа, предполагающей разграничение следственных (судебно-следственных) и полицейских полномочий. Ведь, невзирая на осуществляемую с 1924 г. (с момента известного доклада А.Я. Вышинского на пятом съезде деятелей советской юстиции) инкрементальную процессуализацию, дознание еще сохраняет свои исконные полицейские корни, свою полицейскую природу, подразумевающую оперативное реагирование на «сигнал» о преступлении, безотлагательное установление первоначальных сведений, фиксацию предрасположенных к потере либо повреждению следов и скорейшее направление всех материалов в суд (судебному следователю). Тогда как предварительному следствию, несмотря на постепенную административизацию, все еще присуща подлинно юрисдикционная природа, предполагающая полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств уголовного дела до мельчайших подробностей.

Данные вопросы неоднократно поднимались и описывались в работах автора настоящего Отзыва, в том числе в нескольких опубликованных в 2021–2023 гг. научных статьях, посвященных проблемам привлечения в качестве обвиняемого и сущности органа дознания как «командного» субъекта уголовно-процессуальных отношений. Однако, к великому сожалению, соискатель не посчитал нужным внимательно познакомиться с работами официального оппонента, в связи с чем свел свои рассуждения о дифференциации дознания и предварительного следствия к набору общеизвестных, изложенных в каждом учебнике уголовного процесса, но при этом совершенно поверхностных тезисов.

2. Представляется не вполне понятной вытекающая из содержания § 3 первой главы диссертации (стр. 88–92 и др.) и находящая отражение в Положении № 5 позиция автора, увязывающая пределы уголовно-процессуальной компетенции с правилами территориальной и ведомственной подследственности – сугубо «техническими» правилами, никоим образом не влияющими на расширение либо, наоборот, сужение установленных ст. 38–41 УПК РФ процессуальных полномочий дознавателей, следователей и т.д., а лишь позволяющими грамотно и рационально распределить уголовные дела между различными органами дознания и предварительного следствия, в которых проходят службу предрасположенные к наделению тождественными (!) процессуальными статусами, то есть совершенно идентичной компетенцией (!) должностные лица. Складывается впечатление, что соискатель, фактически вступая в противоречия с самим собой, путает предполагающие уголовно-процессуальную компетенцию статусы дознавателя, следователя и т.д. с должностными лицами государственных органов как носителями этих статусов в связи с участием в конкретном уголовном деле – именно для них (государственных органов, а не процессуальных статусов) и установлены правила подследственности.

Странность подобной позиции обуславливается еще и тем, что во второй главе работы соискатель, наоборот, справедливо пишет о как бы «второстепенном» значении института подследственности, о необходимости упрощения предусмотренных ст. 151–152 УПК РФ правил и т.д. (стр. 153).

В этой связи Д.С. Мерлакову будет целесообразно более подробно изложить свою позицию по данному вопросу в ходе публичной защиты диссертации.

3. Вызывают скептицизм некоторые утверждения соискателя, фактически путающего реализацию полномочий субъектов уголовной юрисдикции, связанных с обращением к нормам УК РФ, с применением уголовного закона. В частности, говорится, что «субъекты уголовного процесса применяют уголовный закон всякий раз, когда для решения того или иного вопроса им приходится обращаться к нормам УК РФ» (стр. 37). Одновременно заявляется о применении уголовного закона в актах о возбуждении уголовного дела, в уведомлениях о

подозрении в совершении преступления (стр. 37–38), о связанности действий и решений субъектов досудебного производства с правовой оценкой деяния (стр. 38) и т.д.

Подобные утверждения, по всей вероятности, основаны на неверном понимании сущности применения уголовного закона. Применить уголовный закон – это не просто обратиться к нормам УК РФ, в первую очередь принять процессуальное решение, основанное на правильном распознавании обстоятельств, предусмотренных бланкетной (отсылающей к положениям УК РФ) гипотезой нормы уголовно-процессуального права – с такими вопросами дознаватели и следователи действительно сталкиваются достаточно часто, правда далеко не так часто, как об этом пишет соискатель. Применить уголовный закон – это привлечь лицо к уголовной ответственности за совершение преступления. И в досудебном производстве такое решение принимается один единственный раз (в исключительных случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 175 УПК РФ – 2 либо более раз) – в момент выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, содержащейся в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном акте либо обвинительном постановлении. Даже обвинительное заключение, вопреки расхожему мнению, нельзя признавать полноценным актом применения уголовного закона; чего уж говорить про другие дознавательские либо следственные акты!

4. И наконец, последнее. Не вполне понятно стремление соискателя истолковать хорошо устоявшуюся в доктрине категорию «субъекты уголовного судопроизводства» в более узком по сравнению с традиционным, вытекающим практически из любой научной или учено-методической публикации значением. Ведь при желании всегда можно разработать и ввести в оборот уголовно-процессуальной науки какую-то новую категорию, какой-то новый термин, а не заниматься посягательством на уже «занятые» и используемые с иной смысловой нагрузкой.

В завершении следует отметить, что все высказанные замечания носят частный, преимущественно дискуссионный характер и ни в коей мере не снижают общей положительной оценки диссертации.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Представленная для официального оппонирования диссертация «Уголовно-процессуальная компетенция субъектов, ведущих досудебное производство» – это основанный на результатах полноценного научного исследования законченный и обладающий внутренним единством монографический труд, выполненный на актуальную тему, отвечающий требованиям научной новизны, теоретической и практической значимости, достоверности положений диссертации, выводов и предложений, сформулированных автором, и соответствующий требованиям, предъявляемым к подобного рода работам Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 26 октября 2023 г.).

2. Представленная диссертация соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

3. Автор диссертации – Данил Сергеевич Мерлаков – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук.

Официальный оппонент:
главный научный сотрудник
сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права Российской академии наук
доктор юридических наук (специальность 12.00.09 – Уголовный процесс),
доцент

«28» ноября 2023 г.

Сергей Борисович Россинский

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт государства и права Российской академии наук
Адрес: 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10;
тел.: +7 (495) 691-33-81; e-mail: igpran@igpran.ru.

